

Научная статья

УДК 340.1

DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(3).378-388

EDN ZRIDEV

Философско-правовые аспекты оценки человеческой природы в позитивистской и юснатуралистской правовой аксиологии

Максим Дмитриевич Горбунов*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия**maxandgor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5266-8852>*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается аксиологическая проблема, лежащая в основе целеполагания права и практики его реализации. Указывается, что в ранних теориях естественного права и современных юснатуралистских концепциях поддерживается тезис о том, что право должно поддерживать человеческое существование и его естественные позитивные устремления. Главным аргументом в пользу такого подхода стало убеждение о нравственной рациональной природе человека. В работе приводятся аргументы, что в действительности предположение о стремлении человека и создаваемым им правом к добродетели является значительным упрощением. Природа человека неоднозначна и неизбежно определяет противонаправленные тенденции при описании модели права и практики реализации норм в национальных государствах. К таким неоднозначным аспектам человеческой природы автор относит: уязвимость перед насилием, относительное равенство, приоритет эгоизма, недостаточный альтруизм, дефицит ресурсов, ограниченную рациональность, склонность к заблуждениям и стремление к соподчинению в системе нормативной иерархии. Принимая во внимание данные аспекты, утверждение о нравственной рациональной природе человека как основе естественного закона кажется не столь однозначным, поскольку произвол и насилие в праве также являются следствием естественных особенностей человеческой природы. Для преодоления данного противоречия естественно-правовая доктрина обращается к институту гражданского общества, оппозирующего государству в том смысле, что именно оно является источником объективных правовых установлений. Однако реальная практика показывает, что право и государство хотя и должны учитывать стремления человека к выживанию, но не всегда имеют четкую естественно-правовую аксиологическую составляющую. Баланс между объективным общественным интересом, полезностью системы и субъективными факторами властолюбия и человеческих амбиций, ее эксплуататорским характером может быть нарушен и такое нарушение кажется естественным с точки зрения противоречивой человеческой природы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

юснатурализм, правовой позитивизм, естественное право, аксиология права, нормативное регулирование, правопонимание, гуманизм, права человека

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Горбунов М.Д. Философско-правовые аспекты оценки человеческой природы в позитивистской и юснатуралистской правовой аксиологии / М.Д. Горбунов. — DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(3).378-388. — EDN ZRIDEV // Академический юридический журнал. — 2024. — Т. 25, № 3. — С. 378–388.

Original article

Philosophical and legal aspects of assessing human nature in positivist and jus naturalistic legal axiology

Maxim D. Gorbunov*Lobachevsky State University, Nizhny Novgorod, Russia**maxandgor@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5266-8852>*

ABSTRACT

The article examines the axiological problem underlying the goal-setting of law and the practice of its implementation. It is indicated that early theories of natural law and modern legalistic concepts support the thesis that law should support human existence and its natural positive aspirations. The main argument in favor of this approach was the belief about the moral, rational nature of man. The paper argues that in reality the assumption of a person's desire and the right he creates for beneficence is a significant simplification. Human

© Горбунов М.Д., 2024

nature is ambiguous and inevitably determines opposing tendencies when describing the model of law and the practice of implementing norms in national states. The author considers such ambiguous aspects of human nature: vulnerability to violence, relative equality, the priority of selfishness, insufficient altruism, scarcity of resources, limited rationality, a tendency to delusion and the desire for subordination in a system of normative hierarchy. Taking into account these aspects, the statement about the moral rational nature of man as the basis of natural law seems not so unambiguous, since arbitrariness and violence in law are also a consequence of the natural characteristics of human nature. To overcome this contradiction, the natural law doctrine turns to the institution of civil society, which opposes the state in the sense that it is the source of objective legal establishments. However, actual practice shows that law and the state, although they must take into account a person's aspirations for survival, do not always have a clear natural-legal axiological component. The balance between the objective public interest, the usefulness of the system and the subjective factors of lust for power and human ambitions, the exploitative nature of the system can be violated and such a violation seems natural from the point of view of contradictory human nature.

KEYWORDS

jusnaturalism, legal positivism, natural law, axiology of law, normative regulation, legal understanding, humanism, human rights

FOR CITATION

Gorbunov M.D. Philosophical and legal aspects of assessing human nature in positivist and jus naturalistic legal axiology. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*. 2024;25(3):378–388. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(3).378-388. EDN: ZRIDEV.

Введение

Для современных обществ, достигших определенного уровня развития в качестве фундамента социальных отношений, провозглашаются высшие человеческие ценности свободы, равенства, правовой законности и демократизма. Многие актуальные теории принципиально отходят от понимания права вне контекста общей концепции прав и свобод, гражданского общества и правового государства. Если в прошлом действительно можно было говорить о примитивных нормативно-правовых властных отношениях в обществе, основанных на насилии, то сегодня в условиях торжества концепции гуманизма подобные системы исключаются из поля интересов правоведения. Кажется, что юснатуралисты Нового времени, говоря об идеальной модели права как человекоцентричного, основанного на рациональной нравственной человеческой природе, в действительности просто говорили о праве современных обществ. Вместе с тем возникает вопрос о том, не является ли подобная установка фактическим сужением понимания права и вариативности государственных и политических отношений.

Естественный закон в философской мысли Нового времени

Представляется, что действительно сложно выделить какие-либо четкие однозначные критерии гуманизации права и практик государственного строительства. Тем не менее попытки дать обоснование необходимости определения аксиологической составляющей отмечались на всей истории существования философско-пра-

вового дискурса. Поиск такой целевой составляющей права тесно связывается с пониманием нравственной рациональной природы человека, дискуссия по поводу которой развернулась между юснатуризмом и правовым позитивизмом. Берет свое начало рассматриваемый философско-правовой дискурс в ранних либеральных концепциях Нового времени. Как отмечается в литературе, для философско-правовой мысли на протяжении веков характерны были (и остаются сейчас) две установки, по сути, разделяющие право на категории двух видов: право позитивное — отождествляемое с государственно-властным велением, выраженном в законе, и право естественное — имеющее происхождение в обществе, тесно связанное с человеческой разумной (божественной или иной метафизической) природой [1].

Еще в философской мысли Возрождения выразилась принципиальная установка одного рода теорий на то, что «человек (может действовать) по собственному желанию, согласно своей воле и своему решению и поскольку ему дано владеть тем, чем пожелает, и быть тем, кем хочет» [2, с. 201]. Подобная позиция в итоге стала фундаментом для доктрины юснатуризма [1]. Право рождено самим человечеством по его естественной природе, а не создано по велению власти. Потому право должно выражать естественный закон человеческой жизни и вследствие чего строго гуманизируется. В этом смысле право происходит от человеческой природы, его разума и органического стремления к свободе и высшему благу. Все иное есть формы произвола, несправедливости и угнетения, даже в том случае,

если они приобретают некую законодательную форму, поскольку выражают не что иное, как привнесенное извне насилие [3; 1].

Данную традицию можно проследить в трудах большого числа классических либеральных философов. Г. Гроций указывает: «естественное право... столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом» [4, с. 72; 5], а государство возникает «из общежительной природы человека с целью обеспечения общественного спокойствия» [4, с. 159; 5]. Необходимо отметить, что эпоха Просвещения стала новой вехой в социальной философии, авангардной парадигмой, основой объяснения социальных, государственных и политических процессов. Связана эта парадигма изначально с учением британских философов, Т. Гоббса и Дж. Локка, которые бросили вызов классической философской доктрине в вопросах человеческого, государственного и правового статусов [6]. Это учение было значительно дополнено французской социальной философией лучшего устройства общества и государства, выразившейся, в частности, в идеях Ш.Л. Монтескье и Ж.Ж. Руссо.

Дж. Локк указывал: «поскольку все люди от природы разумны, а между (естественным) законом и разумной природой существует взаимосвязь, познаваемая благодаря светочу природы, то все... люди... необходимо связаны этим законом... поэтому никто не может сомневаться, что этот закон обязывает всех людей до единого» [7, с. 40–47]. Существование права органически связывается с разумной природой человека через понятие «естественного закона». Монтескье отмечал, что «многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, принципы правления, примеры прошлого, нравы, обычаи; как результат всего этого образуется общий дух народа» [8, с. 163] и потому «необходимо, чтобы законы соответствовали... образу жизни ее народов, ...степени свободы, допускаемой устройством государства, ... нравам и обычаям» [8, с. 265]. По итогу философ заключает, что «законодатель должен сообразовываться с народным духом, поскольку этот дух не противен принципам правления, так как лучше всего мы делаем то, что делаем свободно и в согласии с нашим природным гением» [9]. Природа человека и его воля в таком контексте мыслится отправной для построения системы права и обуславливает ее стремление к достижению идеалов естественного закона.

Благостность природы человека абсолютизируется в концепции Ж.Ж. Руссо, сформулировавшего тезис о «возвращении к истокам как

естественному состоянию, которое, подобно Золотому Веку человечества, содержит в себе прототип идеального общества» [10, с. 152; 6]. Такой Золотой век — это век свободы. По мнению Руссо без свободы нет достоинства человека [10, с. 156; 6]. Теряя в государственном обществе естественную свободу, человек должен приобретать новую свободу — «гражданскую и моральную, которая одна делает человека действительным хозяином самому себе; ибо поступать лишь под воздействием своего желания есть рабство, а подчиняться закону, который ты сам для себя установил, есть свобода» [10, с. 165; 6].

Таким образом, идеи Нового времени породили установку, что человек и его права — это основа права, действующего режима политического и государственного порядка, правовой законности. Естественное состояние человека хоть и оценивается по-разному, но так или иначе обуславливает необходимость формирования позитивного права, которое способно поддерживать естественный закон и обеспечивать человеческую свободу [11]. Право должно рассматриваться как органически связанное с нравственной природой человека, а практический отход от реализации добродетельных устремлений со стороны государства является основанием для борьбы человека против установленного произвола, который неизбежно возникает там, где нет принципов, предписывающих праву аксиологическую составляющую и определяющих обязанность государства им следовать.

Либеральный конституционализм и возрожденное естественное право

Формирование идеи о гуманистическом содержании права и необходимости стремления государственной власти к поддержанию нравственной человеческой природы в итоге выразилось в теории либерального конституционализма XIX–XX веков [12]. Такая философия «...исходит из первичности индивида по отношению к государству — и не только во временном, но и в моральном аспекте» [13; 14]. Как отмечал В. Гумбольдт, «государство создано для человека, а не человек для государства; государственное устройство не есть само по себе цель, оно является только средством для развития человека» [15, с. 267–268; 14]. Такая юснатуралистская установка в целом определила борьбу подобных теорий против «позитивистской концепции суверенитета и родственной концепции всемогущества государства» [16; 14]. Это стало ключевой составляющей вопроса мировой правовой науки

о том, действительно ли право аксиологически наполнено и связано с нравственной рациональной природой человека.

Современные теории возвели идею целеполагания на новый уровень [17, с. 230]. В первую очередь необходимо отметить общую тенденцию к конкретизации содержания естественных прав и их связи с фактической системой права через обращение к категории моральной добродетели, как более гибкой и зависимой от существующей нормативной системы конкретного общества. На фоне продолжающейся критики со стороны правового позитивизма стало очевидно, что классические объяснения, даваемые естественно-правовой доктриной и ранним либеральным конституционализмом, приводят к тому, что понятие естественных прав человека становится чем-то крайне неконкретным, слишком открытым и субъективным по содержанию. Это лишает естественный закон той регулятивной силы, способной ограничить власть и направить государство к благу [18]. Аргументация в пользу необходимого стремления права к реализации глубоко нравственных потребностей человека, по сути, имела метафизический характер. Один из ведущих правоведов современности Р. Дворкин считает, что «требование права предполагает морально-этическую аргументацию и не может быть установлено никаким иным образом» [19, с. 206; 18]. Такая аргументация находит свое отражение в господствующей в конкретном обществе политической морали, «предполагаемой законами и установлениями данного общества» [19, с. 179; 18]. Правовед старается исходить из реалистической интерпретации права как части сложной нормативной практики в обществе, однако право так или иначе должно отражать лучшую такую практику [20, р. 345; 21].

Значительно дальше пошли Дж. Финнис и Л. Фуллер. Для Фуллера в принципе центральным вопросом правоведения является то, каким право должно быть. Право в его теории выступает юридической формой морали [22]. Схожими оказываются взгляды Дж. Финниса. Правовед формулирует «основные формы человеческого процветания», связывая их с «требованиями практического разума», которые, в свою очередь, дают возможность дифференцировать «морально правильные и морально ошибочные способы поведения, — и, таким образом, позволяют сформулировать некоторое множество моральных стандартов» [23, с. 43; 18]. Такие стандарты составляют также основу права, выражая наиболее естественные его основания [23, с. 44; 18]. Таким

образом, новые антипозитивистские теории сохраняют общую установку на то, что право аксиологически наполнено и обусловлено рациональной нравственной природой человека.

Действительно прогрессивная правовая теория видит право определенного качественного уровня, что является, как представляется, результатом развития политико-правовых отношений и человеческой культуры в целом. Однако такая либеральная модель имеет те же недостатки, что ранние естественно-правовые теории. Апеллируя к рациональности, современные авторы фактически презюмируют стремление человека к моральной добродетели, которая должна выражаться в праве, в том числе через естественный закон. При этом, как уже указывалось ранее, реальная практика демонстрирует иную картину.

Критические замечания правового позитивизма

Нечеткость приведенных позиций фактически побудила возникновение довольно веских контраргументов в рамках направления правового позитивизма. Довольно показательной здесь будет позиция одного из ведущих правоведов XX века — неопозитивиста Герберта Харта. Он писал: «Совершенно очевидно, что теория прав срочно необходима. За последние полвека бесчеловечность человека по отношению к человеку была такова, что в самых основных и элементарных свободах и защите было отказано бесчисленному количеству мужчин и женщин, виновных... в том, что они требовали таких свобод и защиты для себя и других... Концепция основных прав человека глубоко повлияла на стиль дипломатии, мораль и политическую идеологию нашего времени, хотя тысячи невинных людей, все еще находящихся в тюрьмах или угнетаемых, еще не почувствовали ее преимуществ. Еще неизвестно, добьется ли она... успеха в изменении практики правительств на благо человечества» [24]. Г. Харт таким образом стремится напомнить о сложных политических и правовых проблемах, которые до сих пор не решены. Однако они также свидетельствуют об общей установке подобного типа правовых теорий в виде скептицизма по отношению к естественным правам человека как минимум в практике реального существования.

Как указывал Г. Харт, «в обширной литературе, от Платона до наших дней, посвященной утверждению, а также отрицанию положения о том, что принципы, в соответствии с которыми должны вести себя люди, могут быть открыты человеческим разумом... обосновывалось как часть общей концепции природы, неодушевленной

и живой... Поэтому теория естественного права ее критикам казалась проистекающей из глубоких старых заблуждений» [25, с. 191]. Глубочайшем заблуждением, по утверждению Харта, для теории естественного права стало распространение законов естественных на законы социальные, предписывая всему, в том числе человеку, телеологического (целевого) существования в стремлении к благу. Харт пишет: «в рамках телеологических представлений о мире человек, как и другие природные объекты, мыслится в качестве стремящегося к особому оптимальному состоянию или цели, заданной для него, и тот факт, что он, в отличие от других созданий, может делать это сознательно, не рассматривается как радикальное отличие между ним и всей остальной природой» [25, с. 194]. Такое презюмирование стремления человека моральной добродетели, причем стремления безусловного, кажется автору несоответствующим действительности. Ближе к концу своей карьеры Харт осознал необходимость движения правового неопозитивизма от философских доктрин Бентама в сторону необходимого признания основ прав человека как приоритетных в построении нормативной системы. Однако анализируя усилия современных правоведов антипозитивистов, которые назывались выше, Харт сохранил свои прежние выводы, что они, «несмотря на всю гениальность, все еще неубедительны», и призвал к «более радикальному и детальному рассмотрению» основ прав человека [26].

Необходимо отметить, что постановка вопроса правоведа касается в первую очередь поиска рациональных связей между органическими фундаментальными основаниями права, которые пытается найти школа юснатурализма, и существование которых оспаривается крайне консервативными формами императивной позитивистской теории. Как представляется, такая постановка проблемы стала возможной благодаря естественным органическим свойствам человека как биосоциального существа и его места в нормативной системе.

Природа человека в контексте нормативного регулирования

Биосоциальные свойства человеческой природы, по сути, определяют внутренние диалектические противоречия, оказывающие значительное влияние на то, как человек проявляет свою сущность в системе нормативных отношений. Крайне интересным здесь кажется перечень человеческих свойств, указанных Гербертом Хар-

том [26, с. 304]. Если несколько модифицировать выдвинутые положения, то можно представить их в следующем виде.

1. Уязвимость перед насилием. Человеческая природа такова, что жизнь и здоровье человека довольно хрупки и могут легко быть подвержены внешнему насилию; с другой стороны, такое насилие причиняется самим человеком. Данное обстоятельство, безусловно, вынуждает формировать в обществе нормы, которые бы запрещали определенные варианты поведения, причиняющие вред человеку и охраняющие человека от такого вреда. Очевидно, что заповедь «не убий» стала во многом базовой и универсальной для всех социальных регуляторов.

2. Относительное равенство. При всей индивидуальности человеческого существа градация физических и интеллектуальных способностей не сильно отличается. Безусловно, в процессе социализации человеческий потенциал может быть значительно усилен или ослаблен, но в человеческом обществе не может сложиться ситуации, когда один или несколько индивидов добиваются господства благодаря своему крайнему биологическому преимуществу. Во всяком случае, для установления доминирующего единоличного положения ни у одного человека нет достаточных ресурсов. Это обстоятельство прямо вынуждает людей договариваться между собой, кооперироваться, искать компромиссы для поддержания социальной стабильности. Оно также обуславливает необходимость не только регулирования человеческого взаимодействия, но и ликвидации угроз, рисков и злоупотреблений, поскольку потенциально именно через кооперацию могут вырастать авторитарные и олигархические системы, когда отдельные индивиды получают доминирующее положение за счет не биологических, но социальных преимуществ.

3. Недостаточный альтруизм. Человек как существо социальное не только в социальном, но и в биологическом смысле склонен к кооперации и взаимопомощи, причем такая взаимопомощь вследствие действия моральных ограничений, психологических переживаний и привязанностей может носить и альтруистический характер. Но поскольку альтруизм с точки зрения борьбы за выживание и конкуренции в определенной степени иррационален, и часто взаимопомощь обусловлена собственной выгодой, достигаемой за счет убытков другого, то человеческий альтруизм в значительной степени ограничен. Данное обстоятельство в совокупности с тенденцией насилия в обществе обуславливает установление

нормативного режима стимулирования первого и ограничения последнего.

4. Дефицит ресурсов. Человек удовлетворяет значительную часть своих базовых потребностей за счет материальных благ. Количество пищи, одежды, безопасных мест ночлега ограничены возможностями природы и пределами материального производства самого человека. Данное обстоятельство уже на базовом уровне обеспечения выживаемости вынуждает формировать систему распределения благ и правил их обмена. С развитием материального производства и его усложнением алгоритмы обмена и распределения в человеческом обществе нуждаются в большей регламентации, что еще больше проблематизируется за счет формирующегося социального неравенства.

5. Ограниченная рациональность. Человек способен осознать собственную выгоду от определенного варианта поведения, особенно если выбираемый или навязанный образ действий эффективен для обеспечения собственной выживаемости и удовлетворения собственных потребностей. Индивид до определенной степени рационален и способен установить приоритеты между сиюминутной выгодой и соблюдением некоторых правил, имеющих долговременные последствия. При этом мотивация людей подчиняться определенной системе правил может быть разной и основываться не только на собственной доброй воле. Баланс интересов и выбор в пользу одного из них человеком может достигаться как за счет рационального волевого выбора, так и за счет принуждения или страха перед ним. С другой стороны, всегда существуют пределы принуждения человека к наилучшему выбору. Если социальные нормы устанавливают правила, ведущие общество к разрушению, то даже риск силового принуждения будет для человека недостаточным аргументом к повиновению произволу.

6. Добросовестное заблуждение. Людям свойственно заблуждаться относительно того, что для них лучше и относительно собственных объективных потребностей. Человек не всегда может быть лучшим экспертом в своем деле, а в поисках внешнего ориентира поведения может стать жертвой заблуждений. Кроме того, сложившиеся стандарты поведения и обычаи, которые кажутся человеку правильными и ценными в одной ситуации, могут быть совершенно ложными и неэффективными в другой. Часто человечество осознает ошибки только на собственном опыте в процессе получения новых знаний об окружающей действительности, сокращая

сферу своих заблуждений. Так, например, канули в лету заблуждения относительно допустимости рабства или расового превосходства. При этом в процессе получения такого опыта человечество совершает подчас много зла из собственного заблуждения.

7. Стремление к соподчинению. Естественные страхи людей, инстинкты самосохранения одних и маргинальность, амбиции других приводят к формированию власти, в том числе публичной, как наиболее безопасной и комфортной в представлении людей, поскольку они стремятся таким образом удовлетворить свою базовую потребность в безопасности. Оптимальным вариантом в данном случае становится выбор человека примкнуть к общности с организованным авторитетным началом. Мотивации подчинения при этом у людей могут быть разными и не всегда являются результатом свободного волеизъявления.

8. Приоритет эгоизма. Искушение, которое постоянно испытывает человек при выборе между собственными частными интересами и необходимостью пожертвовать собственным благом для достижения коллективной безопасности, всегда является аргументом и усложняет его выбор в пользу социально полезного поведения. Человек может ступить на путь аморальных деяний, особенно если такой выбор не кажется ему слишком рискованным. Кажется, что важнейшей мерой ограничения эгоизма является санкция. Между тем важно учитывать ее сложное действие. Она направлена не только на формирование ситуации, когда нарушителю выгодно придерживаться социально полезного поведения, но и на предоставление гарантий защиты тем индивидам, которые в такой защите нуждаются. То есть санкция обеспечивает не только негативное, но и позитивное воздействие, делая нормативную систему привлекательной для выбора, поскольку она демонстрирует свою способность защитить человека.

Представляется, что именно такая дихотомичная природа человеческого естества обуславливает ту проблему, о которой заявлялось. При таком понимании человеческой природы становится очевидным, что естественный закон не может оцениваться исключительно с точки зрения рациональной нравственной природы человека и его стремления к добродетели, а потому и право, кажется, не обязано содержать в себе такое априорное целеполагание, поскольку произвол и насилие в практике нормативного регулирования системы являются следствием естественных особенностей человеческой при-

роды. Хотя, безусловно, это не означает, что такие явления должны рассматриваться как норма. Кажется, что естественное может быть безобразным. Довольно примечательной здесь будет, как ни странно, позиция, выраженная как раз таки в рамках юснатуралистских рассуждений: «задача государства... заключается единственно и исключительно в гарантировании защиты жизни, здоровья, свободы и частной собственности от насильственных нападений. Все, что идет дальше этого, является злом... власть сама по себе есть зло, неважно, кто ее осуществляет. Она имеет тенденцию развращать тех, кто ею обладает, и ведет к злоупотреблениям. К крайностям склонны не только абсолютные монархи и аристократы, но и широкие народные массы, в руки которых демократия передает высшую государственную власть» [27, с. 77–78; 14].

Целеполагание права

Однако по-прежнему остается вопрос о том, насколько возможность существования права, основанного на страхе и примитивном подчинении, действительно является проблемой. Здесь нужно выделить два аспекта: теоретический и практический.

Теоретический аспект отсылает нас к упомянутой выше дискуссии между правовым позитивизмом и юснатурализмом и связан с фундаментальным вопросом о том, должны правовые теории быть оценочными или описательными, и сам по себе требует отдельного самостоятельного изучения. Тем не менее данные рассуждения кажутся вполне применимыми, поскольку они опять же касаются в целом дискуссии между правовым позитивизмом и юснатурализмом по следующим вопросам:

- 1) может ли право быть безнравственным;
- 2) являются ли безнравственные нормы легитимными;
- 3) всегда ли право имеет заложенные объективные цели;
- 4) каковы минимальные аксиологические составляющие права.

Правовые теории юснатурализма и позитивизма отвечают на эти вопросы диаметрально противоположным образом [28; 29].

В практическом аспекте важной ремаркой может стать то, что фактически в правовом обществе может быть организована система правил, основанная на примитивном подчинении императивным приказам, подкрепленным силой. Реальная история человеческой цивилизации приводит целый ряд примеров таких деспотичных

и тоталитарных систем. Однако история также свидетельствует, что такие системы неэффективны, поскольку расходуют управленческий ресурс на самообеспечение, а не на развитие общества. Стагнация и даже деградация общества, управляемого не в собственных объективных интересах, постепенно сокращает ресурсную базу таких систем и их потенциал к самоподдержанию. В результате такие системы рушатся под грузом собственной машины официального императивного принуждения. Парадокс же в том, что баланс между объективным общественным интересом, полезностью системы и субъективными факторами властолюбия и человеческих амбиций, эксплуататорским характером системы может быть достигнут не в пользу первого. Право может стать инструментом властной деспотичной машины или потворствовать человеческим слабостям в ущерб поддержания добродетелей.

Необходимо отметить, что естественно-правовая доктрина обращается в модернизированном виде к институту гражданского общества и независимой правоохране, оппонирующему низменным устремлениям человека, общества и государства в том смысле, что именно оно является источником объективных правовых установлений [30]. Известно утверждение И. Канта, что «главнейший вопрос для человеческого рода... — достижение всеобщего правового гражданского общества, политика должна преклонить колени перед правом человека» [31, с. 95; 32]. В правовой теории утверждается, что «именно в гражданском обществе право возвышается над властью (политикой), ставит в центр общественной жизни человека, его достоинство, высший статус и неотъемлемые права» [33, с. 692]. Только в условиях гражданского общества реальностью становится человекоцентричная модель права, а потому она должна безусловно рассматриваться как безальтернативная.

Г. Гегель полагал, что социальная и юридическая свобода, механизмы охраны и защиты права, наличие совершенного законодательства обретают жизненный смысл только при наличии реального равенства членов общества, которое обеспечивается лишь в современном (гражданском) обществе, поскольку оно представляет собой самостоятельное явление наравне с государством, где реально могут реализовываться частные интересы [34, с. 227–228; 32].

Однако возникает вопрос: как быть с системами, где институт гражданского общества еще не сформирован, а человеческая природа активно проявляется в своей противоречивой плоскости.

Здесь представляется возможным согласиться с позицией, что «эффективная правовая защита индивидов от властей и капризов органов управления есть свидетельство гражданской зрелости народа» [35, с. 236; 14]. Реализация нравственной добродетели человека в рациональном ключе возможна тогда, когда уровень общественного развития и существующее право способны обеспечить на практике такое стремление. Действительно, важнейшей задачей человечества является собственное выживание и в этом стремлении оно способно отдать защиту правопорядка государству, которое устанавливает монополию на официальное принуждение. Такая монополия, если она ничем не ограничена, сама становится страшной угрозой для человечества. В таком контексте формирование механизмов ограничения произвола власти при сохранении ее функции по обеспечению выживаемости и развития человеческого общества и отдельно взятого индивида является важнейшей задачей, которая, как показывает практика, не может быть полноценно решена исключительно через установление демократического контроля [36; 14].

Человеку, как было сказано выше, свойственно заблуждаться, и заблуждаться он может даже относительно объективных интересов. В результате вполне жизнеспособной и до определенной степени эффективной может оставаться система правил, которая пользуется стремлениями индивидов соответствовать социальным стандартам в ущерб их собственным интересам. Если тоталитарные антигуманистические системы показывают свою очевидную несостоятельность, то авторитарные гибридные формиро-

вания оказываются более чем дееспособными. В результате выводы современных утилитарно ориентированных концепций сталкиваются со встречным аргументом, что демократизм, прогрессивность и социальная ориентированность права не являются обязательными [37]. Если для группы естественно-правовых концепций это, кажется, не является сильным контраргументом, поскольку они стремятся не описывать, а оценивать право, то для позитивистских концепций поддержание аргумента о полезности сильно ударяет по их фактологическому описательному характеру, — так они говорят о должном, а не сущем.

Выводы

Вместе с тем вопрос о том, должна ли правовая теория уравнивать право с разным аксиологическим содержанием и способностью поддерживать человеческую добродетель в противовес произволу, не кажется столь уж спорным. Представляется, что даже в условиях реальной практики существования права, провоцирующего человеческие слабости, важнейшей задачей человечества является ограничение принуждения и произвола [38, с. 539]. Такой вывод необходимо делать, принимая во внимание все те гуманитарные катастрофы, которые человечество переживало за свою многотысячелетнюю историю, находясь в эгоизме, страхе и заблуждении, просто желая выжить. Тем не менее даже это не означает, что право всегда имеет аксиологически выраженное содержание, направленное на поддержание добродетели, а природа человека априори рациональна и нравственна.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гигаури Д.И. Права человека как философский концепт с позиции представителей юснатурализма / Д.И. Гигаури, И.А. Стульба. — DOI 10.30853/manuscript.2019.1.22. — EDN YUQVQD // Манускрипт. — 2019. — № 1 (12). — С. 102–107.
2. Попов В.В. Сеть идей «Речи о достоинстве человека» Джованни Пико / В.В. Попов. — EDN YOCUGN // Сибирский философский журнал. — 2017. — № 2 (15). — С. 196–204.
3. Луковская Д.И. Гарантии прав личности / Д.И. Луковская. — EDN JXDMFH // История государства и права. — 2007. — № 16. — С. 35–38.
4. Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняются естественное право и право народов, а также принципы публичного права / Г. Гроций ; пер. с лат.; под общ. ред. С.Б. Крылова. — Москва : Юрид. литература, 1956. — 867 с.
5. Гусарова М.А. К вопросу о роли Гуго Гроция в становлении юснатуралистского типа правопонимания в эпоху Нового времени / М.А. Гусарова. — DOI 10.24158/per.2021.1.13. — EDN CNURGF // Общество: политика, экономика, право. — 2021. — № 1 (90). — С. 71–75.
6. Гусарова М.А. К вопросу о роли французского просвещения в становлении естественно-правовой концепции / М.А. Гусарова. — EDN OGXMFR // Философия права. — 2023. — № 1 (104). — С. 7–13.
7. Локк Дж. Сочинения : в 3 т. / Дж. Локк. — Москва : Мысль, 1988. — Т. 3. — 668 с.
8. Монтескье Ш. Избранные произведения о духе законов / Ш. Монтескье ; пер. с фр. А.Г. Горнфельда. — Москва : Госполитиздат, 1955. — 823 с.

9. Воронцов Е.А. Концепция политической свободы Шарля Луи Монтескьё / Е.А. Воронцов. — EDN ZBTPCR // Человек. Общество. Инклюзия. — 2017. — № 2 (30). — С. 53–61.
10. Руссо Ж.Ж. Об общественном договоре или Принципы политического права / Ж.Ж. Руссо // Трактаты. — Москва, 1969. — С. 151–256.
11. Малышева Н.И. Естественное право: справедливость versus определенность? / Н.И. Малышева. — DOI 10.20310/2658-5383-2021-4-191-195. — EDN NSAJYT // Государственно-правовые исследования. — 2021. — № 4. — С. 191–195.
12. Минникес И.А. Зарубежная правовая доктрина о конституции как основном законе / И.А. Минникес. — EDN ZXLRNF // Академический юридический журнал. — 2017. — № 4. — С. 54–58.
13. Дьюи Д. Либерализм и социальное действие / Д. Дьюи // О свободе : антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. — Москва, 2000. — С. 331–385.
14. Семитко А.П. О приоритете прав и свобод человека как правовом принципе либерализма в российской и зарубежной литературе / А.П. Семитко. — DOI 10.17506/gyipl.2016.17.1.83105. — EDN YUIN VX // Научный ежегодник института философии и права уральского отделения Российской Академии Наук. — 2017. — Т. 17, № 1. — С. 83–105.
15. Гумбольдт В. О пределах государственной деятельности / В. Гумбольдт. — Челябинск : Социум, 2009. — 304 с.
16. Хайек Ф. Право, законодательство и свобода. Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Ф. Хайек. — Москва : Ирисэн, 2006. — 644 с.
17. Минникес И.А. Зарубежная правовая доктрина о глобальной конституции (вопросы теории) / И.А. Минникес, Т.А. Парфенова. — EDN OLUUYH // Академический юридический журнал. — 2020. — № 4 (82). — С. 18–23.
18. Варламова Н.В. Принципиальное единство права и прав человека / Н.В. Варламова. — EDN XZJAWL // Труды Института государства и права РАН. — 2018. — Т. 13, № 4. — С. 83–124.
19. Дворкин Р. О правах всерьез / Р. Дворкин ; пер. с англ. М.Л. Лахути, Л.Б. Макеевой. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 392 с. — EDN QVXKZT.
20. Himma K.E. Trouble in Law's Empire: Rethinking Dworkin's Third Theory of Law / K.E. Himma // Oxford Journal of Legal Studies. — 2003. — Vol. 23. — P. 345–377.
21. Чурносков И.М. Правовая концепция Рональда Дворкина : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И.М. Чурносков. — Москва, 2014. — 254 с.
22. Фуллер Л.Л. Анатомия права / Л.Л. Фуллер; пер. с англ. В.В.Архипова // Российский ежегодник теории права. — 2009. — № 2. — С. 14–16.
23. Финнис Дж. Естественное право и естественные права / Дж. Финнис ; пер. с англ. В.П. Гайдамака и А.В. Панихиной. — Москва : Мысль, 2012. — 554 с.
24. Hart H.L.A. Utilitarianism and Natural Rights / H.L.A. Hart // Tulane Law Review. — 1979. — Vol. 53. — P. 679–680.
25. Харт Г.Л.А. Понятие права / Г.Л.А. Харт; пер. с англ. Е.В. Афонасина [и др.]. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2007. — 304 с.
26. Mikhail J. Plucking the Mask of Mystery from its Face: Jurisprudence and H.L.A. Hart / J. Mikhail // Georgetown Law Journal. — 2007. — Vol. 95. — P. 733–779.
27. Мизес Л. Либерализм / Л. Мизес. — Челябинск : Социум, 2007. — 344 с.
28. Fuller L. Positivism and Fidelity to Law — A Reply to Professor Hart / L. Fuller // Harvard Law Review. — 1958. — Vol. 71. — P. 630–672.
29. Hart H.L.A. Legal Positivism and the Separation of Law and Morals / H.L.A. Hart // Harvard Law Review. — 1958. — Vol. 71. — P. 593–629.
30. Чуксина В.В. Основные модели развития государственных органов по содействию правам человека и их защите / В.В. Чуксина. — DOI 10.47643/1815-1337_2023_4_154. — EDN LIGJGR // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 4 (220). — С. 154–156.
31. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Сочинения на немецком и русском языках. — Москва : Ками, 1994. — Т. 1. — С. 5–24.
32. Працко Г.С. Естественное право как необходимый элемент развития гражданского общества / Г.С. Працко, В.Е. Зелинский. — EDN PLQFKH // Философия права. — 2014. — № 5 (66). — С. 60–62.
33. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С.С. Алексеев. — Москва : Норма, 2001. — 752 с.
34. Гегель Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель ; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц. — Москва : Мысль, 1990. — 526 с.
35. Руджеро Г.Д. Что такое либерализм / Г.Д. Руджеро // О свободе : антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. — Москва, 2000. — С. 220–294.
36. Хайек Ф. Индивидуализм — истинный и ложный / Ф. Хайек // О свободе : антология мировой либеральной мысли (I половина XX века) / отв. ред. М.А. Абрамов. — Москва, 2000. — С. 385–410.
37. Чуксина В.В. Права человека в контексте политико-правовой турбулентности / В.В. Чуксина, О.В. Бондаренко. — DOI 10.17150/2500-2759.2017.27(2).218-230. — EDN YQQOKT // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 2 (27). — С. 218–230.
38. Категории политической науки : учебник / науч. ред. Т.В. Шмачкова. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 656 с.

REFERENCES

1. Gigauri D.I., Stul'ba I.A. Human Rights as a Philosophical Concept from the Position of Natural Law Representatives. *Manuskript = Manuscript*, 2019, no. 1, pp. 102–107. (In Russian). EDN: YUQVQD. DOI: 10.30853/manuscript.2019.1.22.
2. Popov V.V. Network of Ideas Giovanni Pico, s «Oration on the Dignity of Man». *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Philological Journal*, 2017, no. 2, pp. 196–204. (In Russian). EDN: YOCUGN.
3. Lukovskaya D.I. Guarantees of the Rights of a Person. *Istoriya gosudarstva i prava = The History of State and Law*, 2007, no. 16, pp. 35–38. (In Russian). EDN: JXDMFH.
4. Grotius H. *The Rights of War and Peace, in Three Books : Wherein are Explained, the Law of Nature and Nations, and the Principal Points Relating to Government*. London, 1738. 860 p. (Russ. ed.: Grotius H. *On the Law of War and Peace. Three Books Explaining Natural Law and the Law of Nations, as Well as the Principles of Public Law*. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1956. 867 p.).
5. Gusarova M.A. The Issue of Hugh Grotius' Role in the Formation of the Jusnaturalist Type of Legal Thinking in the New Age. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo = Society: Politics, Economics, Law*, 2021, no. 1, pp. 71–75. (In Russian). EDN: CNURGF. DOI: 10.24158/pep.2021.1.13.
6. Gusarova M.A. On the Role of the French Enlightenment in the Formation of the Natural Law Concept. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2023, no. 1, pp. 7–13. (In Russian). EDN: OGXMFR.
7. Locke J. *Complete Works*. Moscow, Mysl Publ., 1988. Vol. 3. 668 p.
8. Montesquieu Ch. *Esprit des Lois*. Paris, Firmin Didot frères, 1745. 619 p. (Russ. ed.: Montesquieu Ch. *Selected Works on the Spirit of the Laws*. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 823 p.).
9. Vorontsov E.A. The Concept of Political Freedom Charles Louis Montesquieu. *Chelovek. Obshchestvo. Inklyuziya = Human. Society. Inclusion*, 2017, no. 2, pp. 53–61. (In Russian). EDN: ZBTPCR.
10. Rousseau J.-J. *Du contrat social, ou, Principes du droit politique*. Lion, 1792. 232 p. (Russ. ed.: Rousseau J.-J. *The Social Contract: or, Principles of Political Law*. In *Treatises*. Moscow, 1969, pp. 151–256.).
11. Malysheva N.I. Natutral Law: Justice vs Clarity? *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya = State Legal Research*, 2021, no. 4, pp. 191–195. (In Russian). EDN: NSAJYT. DOI: 10.20310/2658-5383-2021-4-191-195.
12. Minnikes I.A. Foreign legal doctrine on the constitution as the basic law. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2017, no. 4, pp. 54–58. (In Russian). EDN: ZXLRFN.
13. Dewey J. *Liberalism and Social Action*. New York, G.P. Putnam, 1935. 51 p. (Russ. ed.: Dewey J. *Liberalism and Social Action*. In Abramov M.A. (ed.). *About Freedom : an Anthology of World Liberal Thought (I half of the XX Century)*. Moscow, 2000, pp. 331–385.).
14. Semitko A.P. On Priority of Rights and Freedoms of a Person as Legal Principle of Liberalism in Russian and Foreign Sources. *Nauchnyi ezhegodnik instituta filosofii i prava ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii Nauk = Research yearbook institute of philosophy and law the Urals division of the Russian Academy of Sciences*, 2017, vol. 17, no. 1, pp. 83–105. (In Russian). EDN: YUINVX. DOI: 10.17506/ryipl.2016.17.1.83105.
15. Humboldt W. *Ideen zu einem Versuch, die Grenzen der Wirksamkeit des Staates zu bestimmen*. Breslau, 1851. 238 p. (Russ. ed.: Humboldt W. *The Limits of State Action*. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2009. 304 p.).
16. Hayek F.A. *Law, Legislation and Liberty. A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy*.
17. Minnikes I.A., Parfyonova T.A. Foreign Legal Doctrine on the Global Constitution (Questions of Theory). *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2020, no. 4, pp. 18–23. (In Russian). EDN: OLUUYH.
18. Varlamova N.V. Fundamental Unity of Law and Human Rights. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2018, vol. 13, no. 4, pp. 83–124. (In Russian). EDN: XZJAWL.
19. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. Harvard University Press, 1977. 295 p. (Russ. ed.: Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. Moscow, ROSPEN Publ., 2004. 392 p.). EDN: QVXKZT.
20. Himma K.E. Trouble in Law's Empire: Rethinking Dworkin's Third Theory of Law. *Oxford Journal of Legal Studies*, 2003, vol. 23, pp. 345–377.
21. Churnosov I.M. *Ronald Dworkin's Legal Concept*. Cand. Diss. Moscow, 2014. 254 p.
22. Fuller L.L. *Anatomy of the Law. Rossiiskii ezhegodnik teorii prava = The Russian Yearbook of the Theory of Law*, 2009, no. 2, pp. 14–16. (In Russian).
23. Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. New York, Oxford University Press, 1979. 425 p. (Russ. ed.: Finnis J. *Natural Law and Natural Rights*. Moscow, Mysl Publ., 2012. 554 p.).
24. Hart H.L.A. Utilitarianism and Natural Rights. *Tulane Law Review*, 1979, vol. 53, pp. 679–680.
25. Hart H.L.A. *The Concept of Law*. Oxford University Press, 1961. 263 p. (Russ. ed.: Hart H.L.A. *The Concept of Law*. Saint Petersburg University Publ., 2007. 304 p.).
26. Mikhail J. Plucking the Mask of Mystery from its Face: Jurisprudence and H.L.A. Hart. *Georgetown Law Journal*, 2007, vol. 95, pp. 733–779.
27. Mises L. *Liberalismus*. Jena, G. Fischer, 1927. 192 p. (Russ. ed.: Mises L. *Liberalism*. Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2007. 344 p.).
28. Fuller L. Positivism and Fidelity to Law – A Reply to Professor Hart. *Harvard Law Review*, 1958, vol. 71, pp. 630–672.

29. Hart H.L.A. Legal Positivism and the Separation of Law and Morals. *Harvard Law Review*, 1958, vol. 71, pp. 593–629.
30. Chuksina V.V. The Main Models of Development of State Bodies for the Promotion of Human Rights and Their Protection. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2023, no. 4, pp. 154–156. (In Russian). EDN: LIGJGR. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_4_154.
31. Kant I. Idee zu einer allgemeinen Geschichte in weltbürgerlicher Absicht. In *Politische Schriften*. 1965, pp. 9–24. (Russ. ed.: Kant I. Idea of Universal History in the World and Civil Aspects. In *Essays in German and Russian*. Moscow, Kami Publ., 1994. Vol. 1, pp. 5–24.).
32. Pratsko G.S., Zelinsky V.E. Natural Law as a Necessary Element for the Development of Civil Society. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2014, no. 5, pp. 60–62. (In Russian). EDN: PLQFKH.
33. Alekseev S.S. *Rise to law. Search and solutions*. Moscow, Norma Publ., 2001. 752 p.
34. Gegel G.V. F. *Philosophie des Rechts*. (Russ. ed.: Gegel G.V. F.; Kerimov D.A., Nersesyants V.S. (eds). *Philosophy of Law*. Moscow, Mysl Publ., 1990. 526 p.).
35. Ruggiero G.D. The History of European Liberalism. London. Humphrey Milford, Oxford University Press. 1927. 476 p. (Russ. ed.: Ruggiero G.D. What is Liberalism? In Abramov M.A. (ed.). *About Freedom : an Anthology of World Liberal Thought (I half of the XX Century)*. Moscow, 2000, pp. 220–294.).
36. Hayek F.A. *Individualism True and False*. Dublin, Hodges, Figgis & Co. Ltd, 1946. 38 p. (Russ. ed.: Hayek F.A. Individualism True and False. In Abramov M.A. (ed.). *About Freedom : an Anthology of World Liberal Thought (I half of the XX Century)*. Moscow, 2000, pp. 385–410.).
37. Chuksina V.V., Bondarenko O.V. Human Rights in the Context of Political and Legal Turbulence. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 218–230. (In Russian). EDN: YQQOKT. EDN: YQQOKT.
38. Shmachkova T.V. (ed.). *Political science categories*. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2002. 656 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максим Дмитриевич Горбунов — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права. Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского. 603000, Россия, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4. SPIN-код: 8260-3650.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim D. Gorbunov — Ph.D. in Law, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law. Lobachevsky State University. 4, Ashabadskaya st., Nizhny Novgorod, Russia, 603000. SPIN-code: 8260-3650.

Поступила в редакцию / Received 15.06.2024

Доработана после рецензирования / Revised 27.06.2024

Принята к публикации / Accepted 26.09.2024